

21 ноября исполнился ровно год со дня гибели в автокатастрофе камчатских журналистов Владимира Жуковского и Игоря Кравчука.

Очень хорошо помню, как на следующий день мне оборвали телефон, пытаюсь узнать, что я думаю по поводу их смерти. Мой ответ был стандартным: Владимира Жуковского жаль, он чистый человек, родственникам погибшего выражаю соболезнование.

Отпевание Владимира Жуковского его родственники пожелали провести отдельно от процедуры прощания с Кравчуком. Они как будто брезгливо сторонились Кравчука даже мертвого и не хотели, чтобы их сын, даже после смерти имел с ним что-то общее. Их молчаливое презрение звучало сильнее любых слов.

При жизни я называл Кравчука подонком, говорил это ему в лицо и делал это через газету. При своем мнении остаюсь и до сих пор. Как говорили древние: о мертвых либо хорошо, либо правду.

Наш конфликт, если его можно так назвать, начался с того, что меня корбило, когда Кравчук гордился тем, что его выгнали из армии за дискредитацию офицерского звания. Он умудрялся гордиться уклонением от выплаты алиментов на ребенка от своей первой жены, расписывая газетные гонорары на свою гражданскую жену (алименты отчислялись от общего заработка). Таким образом Кравчук уменьшал себе общий заработок, рассказывая мне, как хорошо придумал. Говоря при этом, что первая жена все равно эти деньги будет тратить на себя. Вступая с ним в горячую перепалку, доказывая, что это низко для мужчины, я в свое время начал понимать, что мой спорщик не является мужчиной в привычном понимании этого слова. Он был человеком без правил и личного достоинства. Мягко говоря, удивляло его отношение к своим информаторам из УВД. Кравчук их, в конце концов, подставил. По его вине против них возбудили уголовное дело, на суде он выступил свидетелем.

В любом, даже далеко не идеальном журналистском сообществе сливать свои источники информации считалось подлостью или, аккуратно выражаясь, последним делом.

Говоря о творчестве Игоря Раушановича, а не о его личностных качествах, с профессиональной точки зрения, писал он плохо. Но нужно отдать ему должное, в 90-е годы криминальная тема была основной, и он чувствовал себя в ней как рыба в воде. Не буду спорить, Кравчук сделал себе громкое имя, заслуженно заняв нишу главного криминального репортера Камчатки, но не более того.

Очень показательным был один спор, который возник у нас в редакции относительно публикации доходов кандидатов в депутаты. Он поиздевался над их доходами, которые были сравнимы с зарплатой уборщицы в школе или детском саду. Понятное дело, что подобным образом кандидаты уходили от налогов. Эту позицию Кравчука в отношении налоговых «уклонилов» я высмеял вот по какой причине. В те времена газета «Вести» не была исключением и тоже уклонялась от налогов. Т.е. официальную зарплату мы получали примерно в пять раз меньше официальной. Журналисты, включая Кравчука, об этом прекрасно знали. На мое замечание он ответил, что кандидаты утаивают налогов больше. Наверняка, это было так. Но нельзя бороться против того, что делаешь сам. Тогда начинают работать не принципы, а зависть, что сам Кравчук не так богат, либо эдакое коммерческое предложение: оплатите мое молчание.

Мне казалось, что наши споры останутся спорами между коллегами. Увы, этого не произошло.

Не буду рассказывать истории, касающиеся его личной жизни. Хотя это было достаточно омерзительно. Он умудрялся нагадить везде.

Особенно возмущало меня то, что он «стучал» и не стеснялся об этом говорить. Уверен, что «стучать» он начал, еще учась в Ленинградском высшем военно-политическом училище ПВО. Поясню. Мать Кравчука в советские времена осудили за почти двухмиллионную растрату (со слов Кравчука). Им с братом—близнецом тогда было около 10 лет. Мать получила 8 лет лишения свободы, а ее детей забрали в детдом. В те годы в советских военных училищах была установлена квота на сирот. Не важно, как он учится, его все равно принимали из детдома в военное училище, чтобы сирота мог получить высшее образование, находясь на полном обеспечении государства. На первом курсе вышеназванного ВУЗа, как и во всех высших военных заведениях, курсанты проходили проверку на допуск к работе с секретными документами. Если выяснялось, что кто-либо из их родственников судим или проживает за границей, то допуск не оформляли, что влекло автоматическое исключение из училища. Особисты, установив, что мать Кравчука сидит или отсидела к тому времени в тюрьме, тем не менее, разрешили ему учиться дальше. Почему для него сделали исключение? Это возможно в двух случаях: если бы при отличной учебе у ребенка были родственники в главкомате Министерства обороны (чего не было, а Кравчук гордился тем, что бы всегда учился на тройки), либо из него сделали стукача.

Однажды после очередного нашего конфликта мне пришлось, что называется, заехать ему. Это было сделано публично, не сильно, но унижительно для Кравчука. Потерпевший не бросился с кулаками отстаивать свою честь. Хотя был моложе меня и превышал в весовой категории. Он просто сбежал. В продолжение несостоявшейся потасовки Кравчук накатал на меня заявление в милицию. Но его приятели – менты отсоветовали давать этому заявлению ход, как бесперспективному. После чего наш конфликт только разрастался.

Особую гнусность Кравчук продемонстрировал, когда я поехал в Чечню. Это было сразу после «второй чеченской войны». Точнее, война продолжалась, но перешла в более пассивную фазу. Тогда мне довелось руководить газетой «Камчатское время», и мы от редакции повезли нашим военным служащим подарки на 23 февраля. Так вот, Кравчук был одним из авторов доноса в УВД И ФСБ с тем, чтобы мне не разрешили поездку на Кавказ. Этот донос мне показали. Там было написано, что я продался исламистам и еду в Чечню устанавливать имена наших военным служащих, чтобы потом эти данные передать заинтересованной стороне. Хорошо, что у наших силовых органов хватило ума не поверить этому бреду.

Наша неприязнь была обоюдной, хотя Кравчук однажды предпринял попытку к примирению. Но я эту попытку отверг. Мы не подавали друг другу руки. Для меня неприязнь к нему не становилась смыслом жизни или значительной частью этого смысла. Кравчук же питал ко мне какую-то особую ненависть. Как бы ни складывались наши отношения, у меня никогда не было мысли затащить в наш конфликт и сделать его участниками своих детей. Кравчук это сделал. На очередную мою статью против него (я ответил на его выпад) вдруг ни с того ни с сего отреагировала его дочь (при живом-то папе). Последний раз я ее видел, когда ей было около пяти лет. Но все ее «самостоятельное» повествование создавало впечатление, что она очень хорошо меня знает. Разумеется, я не стал отвечать дочери Кравчука, понимая, что ее рукой водил папа. Но вмешивать в наши отношения детей и делать их активными участниками конфликта считаю делом низким и недостойным мужчины, даже такого, как Кравчук. Спустя год после его смерти местные жирбалбесы решили наградить Кравчука «Знаком

почета» ЛДПР. Эти клоуны даже не смогли грамотно сформулировать, за что они награждают через год погибшего в автокатастрофе журналиста. Убогий лидер местной жирфауны господин Калашников пояснил: «Почетным знаком» Игорь Кравчук награжден за многолетнее плодотворное сотрудничество с ЛДПР». Получается, если журналист длительное время сотрудничает с ЛДПР, то есть пишет за деньги статьи, признается в любви к Жириновскому, он достоин награды ЛДПР. Кстати, именно Кравчук публично в телеэфире признался, что он принадлежит к работникам древнейшей профессии, назвав себя журналистом. Может, за это жириновцы вручили ему награду? Потому что в политике они тоже демонстрируют вторую древнейшую... Особенным цинизмом покорило славословие в адрес Кравчука со стороны журналистов Владимира Ефимова и Гузели Латыповой. При жизни в его адрес с их стороны мне пришлось выслушать немало нелицеприятных слов (да и обсуждая друг друга, они никогда не стеснялись в выражениях). Причем, если сравнивать, кто больше преуспел в подлости и лицемерии, то, пожалуй, Ефимов и Латыпова в этом, безусловно, опережают усопшего. Ей богу, нет ничего противнее, когда тебя хвалят негодяи. Жаль, что Кравчук этого уже не услышит.

Понимаю, моя статья по поводу Кравчука вызовет неоднозначную реакцию среди журналистов. Но я имею на это моральное право, потому что всегда открыто высказывал ему все, что думаю и откровенно, без обиняков, разъяснял свою позицию, иногда прибегая и к физическим аргументам. Смерть не делает подлеца лучше, она лишь делает воздух чище.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.

PS: Мало кто знает, что нынешнего главного редактора газеты «Камчатское время» Евгения Сиваева Кравчук тоже в свое время изрядно подставил. Когда тот, будучи внештатным корреспондентом «Вестей», призвался на военную службу и должен был идти служить в газете «Пограничник Северо-Востока», Кравчук приложил все усилия, чтобы этого не случилось. В результате Сиваев поехал служить на Чукотку. Однако много позже Кравчук, не моргнув глазом, попросился к Евгению Сиваеву в газету, и тот его взял. Как говорится, на безрыбье...